

Где валяются поцелуи

Автор:

Ринат Валиуллин

Где валяются поцелуи

Ринат Рифович Валиуллин

Если вы никогда не были в стране, где валяются поцелуи, то можно получить визу или даже вид на жительство, просто скинув маски, как это сделали герои одной венецианской истории.

Ринат Валиуллин

Где валяются поцелуи

В оформлении обложки использована картина Рината Валиуллина «Пианистка».

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Валиуллин Р. Р., 2014

© ООО «Антология», 2014

Если вам кажется, что надо что-то менять в этой жизни, то вам не кажется

Он зашел в темную проходную двора, задумчивый и рассеянный, когда неожиданно перед ним возникла фигура и объявила женским голосом:

- Деньги давай!

- Сколько? – спросил безразлично, заметив в руках девушки ствол.

- А давайте все.

- На! – вырвал он театрально, словно сердце, бумажник из-за пазухи.

- Что же вы так без сожаления сорите деньгами? – взяла незнакомка кошелек, вытащила купюры и, бросив ему в ноги опустевший кожаный чехол, зачем-то пересчитала деньги.

- Скучно, – поднял он портмоне и сунул его обратно к сердцу.

- Так вы, наверное, только с хорошими людьми общаетесь?

- Пожалуй, если не считать вас.

- Вот и мне скучно.

- Так вы, наверное, никого не любите?

– Даже не знаю, что ответить. Выровняло всю любовь, как катком, плоская она стала что ли, – поежилась от холода девушка и втянула свою длинную шею в плечи.

– Замерзли совсем?

– Конечно, полчаса вас ждала в этом закоулке.

– Почему выбрали именно этот, здесь же довольно светло? Хотя могли бы шамальнуть по фонарю, чтобы запустить сюда мрак.

– Именно поэтому, – снова поежилась она.

– Чаю не хотите выпить? Я живу в этом дворе на седьмом этаже.

– Жаль, что не на седьмом небе...

– С вашей игрушкой это можно исправить.

– Вам не кажется странным, что жертва приглашает преступника на чай? – переступала стройными ножками на высоком каблучке девушка.

– Нельзя же вас отпускать в таком состоянии, вы ведь черт знает что можете натворить. К тому же у вас приятный голос.

– Спасибо, а с чем будет чай? – улыбнулась девушка и убрала пистолет в сумочку.

– С клубничным вареньем.

– Откуда у вас оно?

– Разве я похож на человека, у которого не может быть клубничного варенья?

– Очень похожи. У скучных людей даже с сухарями туго.

- Почему?
- Потому что они предпочитают есть в одиночестве пирожные в кафе.
- Давайте поспорим!
- Давайте, только чем вы будете платить? Ведь денег у вас уже нет.
- Может, дадите в кредит?
- К сожалению, мой банк только что закрылся. Есть другие предложения?
- Павел, - протянул он руку.
- Руку мне действительно давно никто не предлагал. Фортуна, - сняла она перчатку и в ответ протянула свою ладонь. - Кстати, у меня есть свежий батон. Не смогла удержаться, проходя мимо булочной.
- Тогда сам Бог велел.
- Что велел?
- Даже если вы на краю отчаяния, стоит ли бежать от чая?
- А с чего вы взяли, что я на краю?
- Преступление всегда край. Ну, так мы идем или нет?
- Страшно.
- Чего вам бояться, у вас же пушка!
- Вдруг соблазните меня и изнасилуете.

- Хватит уже мечтать, - едко пошутил Павел. - Еще раз повторить про пушку? Вон мой подъезд, - указал на серую скалу из кирпича, которая поблескивала стекляшками неспящих окон. В небе спокойно дремала луна, прикрывшись темным одеялом случайного облака. Даже свежий весенний воздух не вдохновлял ее на подвиги.

- Старый дом, - двинулась она в сторону подъезда, не глядя на попутчика.

- Кто здесь только не жил.

- Что, все умерли? - робко пошутила Фортуна.

- Только великие.

- А вы хотели бы к таковым относиться? - двигалась она медленной легкой походкой чуть впереди него.

- Уже нет. Хочется жить, а не относиться.

- А вы что делаете?

- Снимаю.

В этот момент Фортуна остановилась и обернулась.

- Я про квартиру, - затянул неувязочку Павел.

- Так лучше.

Неожиданно навстречу им выбежала какая-то шавка и начала истошно материться.

- Черт, бегают тут всякие, - вздрогнула Фортуна.

- Не бойтесь, она не кусается, - отозвался из темноты голос. Хозяин не спеша перебирал ногами вслед за четвероногим другом.

– Я тоже не кусаюсь, но зачем же об этом так орать?

– Она в наморднике, – не услышал ее слов владелец собаки.

– Лучше бы ей глушитель надели, – добавила еще тише Фортуна.

Дом был действительно пожилым и грузным, с лишним весом опыта и недомоганий. Шершавое мрачное лицо прошлого века, изъеденное окнами, лишний раз напоминало, что по ночам его мучила бессонница. А всякий раз, когда входили люди, он открывал рот, тяжело вздыхая и громко чмокая губами, провожал их в глубь себя, по широким бетонным лестницам, в свой внутренний мир, где теплилась жизнь. Он, как никто другой, знал, что жизнь – это цепь причин и следствий, которую надо постоянно смазывать любовью, чтобы не скрипела от обстоятельств. Гулкие шаги жильцов, как стук сердца, отдавались в его душе. Давление было ни к черту: то опускалось, то поднималось, как сейчас. Наконец лифт остановился на седьмом и из него вышли мужчина и женщина.

* * *

– Вы всегда с собой на дело берете батон? – с интересом разглядывал Павел красивые руки своей неожиданной гостьи, принимая из них хлеб.

Фортуна, гармонично встроенная в кухню Икеи, промолчала. Под ножом у Павла затрещал багет. Полетели крошки. Вместе с хрустом раздался запах свежего хлеба. Звук только усиливал аромат, будто хотел взять на себя его функцию. Павел смотрел на Фортуну, она на него. Они могли так бог знает сколько времени: он не знал, что сказать, и она не знала, что слова уже не имеют значения. Губы ее улыбнулись и закусили бутерброд с колбасой, который успел приготовить Павел, потом они приняли фарфор и горячий чай.

– Так что вас толкнуло на дорогу разбоя? – достал он из шкафчика клубничное варенье.

– Как любая женщина я способна на глупости, но это не от недостатка ума, а от переизбытка чувств. Недавно я расчувствовалась так искренне, что чуть не впала в депрессию: оттого что жизнь, которая незаметно проходит, так коротка,

а я многого еще не попробовала, что мир такой большой, но я много еще где не была, а свободы оказывается так мало, что я решила начать с преступления. Захотелось каким-то образом выбраться из каменного бытового мешка.

- Странный способ. Помогло?

- Как видите. Только не надо ехидничать. Не будь я настойчивей, так и просидели бы весь вечер в одиночестве. И не заметили бы меня, не заставь я вас обратить на себя внимание.

- Нет, женщин я всегда замечаю, но это не значит, что я подхожу к ним с просьбой вытряхнуть из меня кошелек. Хотя если рассуждать фигурально, часто именно так и бывает, - посмотрел пристально в глаза Фортуне Павел. - Так зачем вам столько свободы?

- Накопилось капризов.

- Например?

- Я давно не была в кино, - с любопытством разглядывала кухню Фортуна.

- Снимем.

- Я давно не была на море.

- Слетаем.

- Я давно не была сама собой... Только сегодня... - добавила Фортуна после небольшой паузы.

- Кажется, теперь понимаю, почему я раньше вас не заметил. - Павел подошел к окну и занавесил темноту. - Так куда вы хотели бы выбраться?

- Туда, где валяются поцелуи, - выловила осторожно янтарную клубничину в сиропе Фортуна и спрятала за губами. - Обожаю клубнику.

- Я знаю такое место. Более того, я завтра туда лечу. Хотите тоже?
- Я же уже сказала. Там их много? - умыкнула она еще одну из вазочки.
- Чего?
- Поцелуев.
- Да, полно.
- С вами придется целоваться?
- Нет, боже упаси.
- Тогда я точно не поеду, - облизнула ложку Фортуна.
- Я хотел сказать, там можно найти губы и повкуснее: Италия - страна любви. Я больше не встречал земли, где так сильно любят женщин. Мне только нужны данные вашего паспорта, чтобы я заказал билет.
- А остальные данные вас не интересуют, - высасывала из клубники сок Фортуна.
- Вы будете жить в отдельном номере, - сделал вид, что не услышал, Павел.
- Я думала, что чудес не бывает.
- Но волшебники случаются.
- Вы хотели сказать - фокусники?
- Хорошо, пусть будут. Иллюзионисты.
- Спасибо, я уже живу с одним... сплошные иллюзии.

- Чувствую, сегодня нас ожидает вечер откровений, – подлил еще чаю Павел.
- Я могла бы быть откровенной, но вы же не пьете.
- Хотите?
- Нет, я пошутила, чая достаточно.
- Так вы замужем?
- Да.
- Мужу будете звонить?
- Он с сыном на рыбалке. Разве я уже дала согласие?
- Разве нет? – нарезал Павел кружочками еще немного колбасы и засунул себе в рот самый неудачный.
- Что-то во дворе вы не были таким напористым и деньги мне сразу выложили.
- Мне показалось, что мы там были ближе.
- В смысле?
- Вы общались со мною на «ты». Кроме того, у меня есть один недостаток: я не дерусь с женщинами.
- Да уж, достоинством это точно не назовешь. А что вы с ними делаете?
- Летаю, например, завтра в Венецию снимать кино. На три дня.
- И много их будет, женщин?
- Женщин в кино много не бывает, если только это не кинотеатр.

- Я не очень люблю кино, – продолжала разглядывать кухню Фортуна.
- Что так?
- Не зовут.
- Как же? Вы просто не слышите.
- Со слухом у меня все в порядке.
- Нет, вы не слышите, как я вас зову, – отхлебнул чаю Павел и замер, уставившись на Фортуну.
- Кино, Венеция... с вашими козырями никакой игры. Павел, может, вы все же сядете, а то неудобно разговаривать.
- Любите игры? – добавил кипятка в заварник Павел и сел напротив.
- Только сексуальные, в них нет проигравших.
- Игры я вам не обещаю, но поцелуи точно будут. Пейте, чай остывает.
- Главное, чтобы вы не остыли, вдруг я соглашусь.
- А вы остры на язык.
- Вы же мне нож не дали.
- С меня хватило и пистолета. А пушка у вас откуда?
- Дедовский, наградной. Хотите взглянуть?
- Не знаю, я к оружию равнодушен. Пробуйте клубнику, может, она вам скрасит этот вечер, – пододвинул он варенье к ней еще ближе. – Откуда такая страсть к оружию?

- От беззащитности или от недостатка эмоций. Приходится выкручиваться. Зачастую именно чувство юмора позволяет покрыть недостаток всех остальных.
- Шутка была хорошая, если вы о грабеже, но мне почему-то было не смешно.
- Есть шутки замедленного действия. Потом как-нибудь она вас обязательно рассмешит. А у вас откуда такое равнодушие к оружию?
- По сравнению с вашими глазами это вообще не оружие, а кусок железа. Из всех мужских страстей, будь то оружие или машины, я предпочитаю женщин.
- И как вы их предпочитаете? - обменяла свою улыбку на комплимент Павла Фортуна.
- С клубничным вареньем, - достал из вазочки большую ягоду Павел и проглотил.
- Я давно уже не знакомясь с мужчинами.
- Не было времени?
- Скорее необходимости при живом-то муже.
- Вы его тоже убили?
- Нет еще, а почему тоже? - понесла ложку с вареньем ко рту Фортуна. Но одна тягучая капля медленно шмякнулась на скатерть.
- Ведь и меня вы могли прикончить.
- Вас нет. Смерть еще нужно заслужить, - стерла она пальцем сладкую слезу со скатерти и стала ее рассматривать.
- А он заслужил? - протянул ей Павел салфетку.
- Пожалуй.

- Чем?

- Не оправдал моих надежд.

- Каких надежд? Что бы ты хотела от жизни?

- Я хотела бы домик у моря с видом на настоящего мужчину.

- По-моему, вы только так говорите, на самом деле никуда вы не хотите, - напомнил ей Павел о своем предложении.

- Хочу. Хочу, чтобы вы мне рассказали, о чем будет фильм.

* * *

- Ты меня любишь?

- Еще бы.

- Не успеем, давай вечером, опаздываю на работу. - Она поцеловала губы, которые продолжали спать на моем лице, и стремительно выплыла из постели. Я приоткрыл глаза, но поздно. Взгляд мой остался без завтрака. Изящной фигуры Лучаны уже не было. О чем думает мужчина, когда остается без женщины? С одной стороны - облегчение. Но с другой... Другой нет. Да и нужна ли она, другая. Даже если с ней фантазия нарисует прекрасное будущее. Она ничем не будет отличаться от предыдущей: потеря времени, денег, достоинства. Необходимо научиться любить ту, что рядом. Мне повезло - я любил, и даже учиться мне не пришлось. Однако всякий раз, когда она уходила, меня не покидала навязчивая мысль: а если она уйдет навсегда?

- Ты вставать собираешься? - вошла она снова в мою жизнь.

- Нет. Хочу проваляться в постели до следующей субботы. Ты со мной?
- Я бы с радостью, но работа. Не жалко тебе жизнь на сон тратить?
- Нет, жалко тратить на пустую работу.
- Кофе будешь или еще поспишь?
- Да какой сон без тебя.
- Сладкий.
- Тогда мне кофе без сахара.
- Что у тебя на сегодня? – спросила Лучана, поправляя волосы.
- Море любви. Поедешь со мной? – лежал я в постели, наблюдая за движениями своей женщины.
- Я же говорю, что на работу опаздываю.
- И с кем мне тогда там купаться?
- С добрым утром.
- Много ли в нем добра? Когда я не высплюсь, «доброе утро» звучит для меня как ругательство.
- Ты только представь: утро приходит. А тебя еще нет. Оно долго сидит в одиночестве, ждет. Открывает окно, как буфет. Достает солнечный мед. Варит чай. Ест и пьет, наблюдая фарфоровый хоровод облаков. Поглядывает на часы, молча думает. Тебя все еще нет. Наконец, не дождавшись, уходит, оставляя записку коротенькую на столе:

«Буду завтра. Чай еще свеж. И хватит сопеть, поднимайся, иначе скоро наступит день и придавит заботами.

Твое доброе утро»

– Сто лет уже не получал записок. Красиво, но как-то реальности маловато. Твое утро не умеет материться.

– А должно?

В этот момент, подтверждая мою правду, завизжал будильник в телефоне.

– А как же. Человек нуждается в жестоком обращении, иначе не дойдет... до работы, – дотянулся я до телефона, обнаружил там время и отключил его. «Подумать только, его можно отключить одним пальцем», – осенило меня.

– Все, что тебе нужно, написано на моем лице. Читай внимательней. Ты дома будешь сегодня? – цокала каблучками Лучана.

– Да, надеюсь прикончить вторую часть книги.

– Я еще и первой не видела. Когда ты мне дашь уже потрепать свой роман?

– Тебе что – в жизни их не хватило?

– Нет, представь себе, не хватило. Как себя помню, читаю одну и ту же книгу: увесистый том, величественный талмуд, ходячую энциклопедию, священную Библию.

– Черт, после таких сравнений я начинаю себя любить несмотря на утро. Иди ко мне, я тебя почитаю, вслух, – хотел ухватиться я за подол ее платья, но поймал только его тень.

– Кто-то же должен работать, – собралась выходить из комнаты Лучана.

- Хорошо, что у меня нет долгов.

- А как же твои читатели?

- Я же с ними не живу.

- Зато они с тобой периодически.

- Что-то я не почувствовал.

- Вот! И я замечаю, что ты становишься бесчувственным.

- Это точно, когда я вижу тебя, нюхаю, трогаю, слышу, пробую, я все время думаю: зачем мне эти пять чувств, не будь шестого.

- Ну как мне после такого работать? - отпустила она ручку двери и подошла к кровати, где я тут же скомкал ее в свои объятия.

- Повышенная влажность белья?

- Откуда в твоей лохматой башке столько женщины? - начала она ласково шерстить мои волосы.

- От тебя.

- Или от тех, с которыми ты спал.

- Мне даже подумать страшно, с кем только я не спал.

Лучана глянула на меня неодобрительно. Как всякий голый мужчина, я начал оправдываться:

- Ты сама только что так сказала. А представь, со сколькими переспал Шекспир или Толстой? Спать с книгой считается изменой?

– А как же. Так что дописывай, чтобы я тебе не изменяла с другими. Все, мое время вышло, а я еще нет, – выскользнула она из мужских сонных объятий и поспешила в коридор к зеркалу, которому обязательно должна была понравиться, чтобы выйти из дома с подходящей маской.

– История любви? – поинтересовалась Фортуна.

– Мужчина и женщина. О чем еще можно снимать в Италии.

– А как они познакомились?

«Будучи женщиной самодостаточной, я легко могла привлечь, соблазнить, влюбить, но влюбиться... Как это было неосмотрительно с моей стороны, как опрометчиво, как безумно, как сногшибательно...» – пыталась она причесать эту непослушную мысль, нежась в утренних лучах мужских поцелуев.

– Никогда не спала с первым встречным, – сказала она мне, лежа на кровати и наблюдая, как я натягивал джинсы.

– Ну и как? – застегнул ширинку.

– Что-то в этом есть.

– В этом – это во мне? – накинул рубашку на свое мускулистое тело.

– И в тебе тоже.

– На самом деле, это я был в тебе, – посмотрел на нее с улыбкой.

– Ну, и что там?

– Честно тебе сказать или соврать? – нашел под кроватью свои сандалии.

- Лучше соври, мне еще целый день работать сегодня.

- Хорошо. Там было необычно, - снова сел на кровать, которая еще не остыла от ночи, и обул одну ногу.

- Что значит необычно?

- Хочется повторить, - влез ногой во вторую.

- Спасибо! Из тебя вышел бы отличный любовник.

- К счастью, из меня могу выйти только я, и то не самостоятельно, а когда выведут. Забыл, где у тебя выход. Ты не помнишь, как я к тебе вошел?

- Через сердце, - стянула она с плеча простыню и оголила в знак доказательства левую грудь. - Выход там, - указала мне рукой на проем в стене.

- Никак не могу привыкнуть к твоему окну. Ну пока, - поцеловал я ее на прощание в сосок. - И извини, что вошел так бесцеремонно.

- К черту извинения, продолжай, ничего такого раньше не чувствовала.

- Я тоже.

- Позвони мне, если это желание у тебя не пройдет, - снова укутала она простыней открытые части своей суши.

«Все проходит, кроме меня самого», - подумал я и вышел в окно. Сделал по асфальту несколько шагов, оглянулся на древний дом. Тот уже просел и пустил корни, а посему первый этаж стал вровень с тротуаром. Достал из кармана сигареты, положил одну из них в рот. Прикурил и затянулся. Вроде бы выходишь в окно, а жизнь продолжается. И ничто ее не в силах остановить, кроме случайных знакомств.

* * *

– А как вы туда попали? – гладила чашку Фортуна, будто та должна была ей ответить.

– В Италию? – уточнил Павел.

– Нуда, в кино.

– Как и все, случайно.

Во всем виноват кофе. Я летел в отпуск в Болгарию. Обычный рейс, обычная стюардесса налила обычный кофе и передала мне. И вот когда кофе был у меня почти в кармане, сосед мой неожиданно решил поменять позу, да так, что кофе действительно оказался в моем кармане.

Мужчина, как мне показалось, не сразу понял, в чем дело. Глаза его были наглухо зашторены темными очками. Тихо сказал:

– Извините.

– Вы что – не видите? – оторвал я мокрую ткань своих брюк от ноги, чтобы не было так горячо.

– Я нет, – ответил он мне в тот момент, когда стюардесса уже стирала салфеткой пятно с моих штанов. Потом повторила маневр с кофе, снова наполнив мне пластмассу. На этот раз все прошло удачно. Я поблагодарил ее, она очаровательно удалилась обслуживать других пассажиров, оставив мне улыбку в качестве компенсации за нанесенный ущерб. Еще несколько секунд покатала мой взгляд на качелях своих впечатляющих ягодиц, пока те не растворились в проходе самолета. Приятная женщина. Злость мою сняло как рукой. Ее рукой.

– А что случилось? – произнес как ни в чем не бывало сосед сквозь очки.

– Штаны до сих пор дымятся.

– Что, стюардесса понравилась? Надо держаться.

– Поздно, уже пятно, – мне самому тоже стало смешно.

- На что похоже? - спросил он.

- Напоминает профиль моей бывшей жены.

Пожалуй, так и оставлю.

- Ну что же, кофе здесь неплохой. Хорошо пахнет, - сделал он глоток из своего стаканчика. - Да и место для жены подходящее.

- Век готов с пятнами ходить, если такая женщина будет так усердно гладить мои ноги.

Я снова поймал полуулыбку стюардессы, которая уже не слышала нас и разливала кофе пассажирам, сидящим впереди.

- Вы уж не держите на меня зла, - продолжал сосед.

- Уже отпустил, нам же еще как-то надо жить вместе... эти два часа.

Он улыбнулся:

- А как выглядела ваша жена?

- Вы что, не знаете, как они выглядят? Правильные черты лица, нос с горбинкой. Яркие карие, словно гречка, искрящиеся глаза, волосы шелковые теплые густые, будто сумерки летом, растеклись по плечам блестящей на закате рекой. Худые ключицы, которые навечно врезались мне в память. Бесконечные тонкие сильные руки, два солнца трепетной груди, выдающиеся бедра и тонкие лодыжки.

- Чувствую, сохнете по ней до сих пор. Разлюбить не пробовали?

- Легко вам говорить, вы сами попробуйте.

- Если бы я такую попробовал, у меня бы тоже не получилось.

* * *

- Кто бы меня так полюбил? – неожиданно прервала рассказ Павла Фортуна.

- Нет, неправильная постановка вопроса: кого бы я так полюбила... – улыбнулся Павел и продолжил свой рассказ.

* * *

- Где же она? Почему не летит сейчас с нами? Я знаю, вы не хотели наскучить красоте, для этого ушли первым, – поправил очки попутчик.

- Нет, первой ушла она. Она погибла. Парашют не раскрылся.

- Извините.

- Да ничего, я уже пережил.

- Вы так славно вырезали портрет своей жены, а я как выгляжу, по-вашему? – постарался избежать минуты молчания мужчина.

- Вы правду хотите услышать?

- Валяйте, чего уж там. Тем более кофе я уже допил.

- Как очковая кобра, которая неожиданно ужалила меня, защищая свое пространство.

Он громко засмеялся.

- А еще у меня почему-то возник образ железного человека. В вашем голосе столько металла, пронизывает до самых пяток.

- В волосах гораздо больше, – улыбнулся сосед и потрепал свои седые волосы.

Видно было, что ему нравилось, когда говорили о нем. Люди всегда делились на тех, кто любил послушать о себе, и на тех, кто – поговорить о других.

- В общем, мудрая говорящая кобра с металлом в голосе.

- Похоже, и в характере его залежи, - сделал я последний глоток и заткнул пластик в сеточку впередистоящего кресла.

- У каждого есть риск заржаветь: достаточно попасть во влажную теплую негу.

- Вот откуда такое чудовищное обаяние. Видимо, вы хорошо разбираетесь в человеческих отношениях.

- Скорее в нечеловеческих, - поправил он и протянул руку: - Роберто.

- Павел, - пожал ее.

- Очень приятно.

- А почему нечеловеческих?

- Потому что фильмами о человеческих денег много не заработаешь. Я - режиссер. Лечу на съемки со своей командой.

- Понятно! А где команда? - всматривался Павел в ряды кресел, пытаюсь обнаружить остальных.

- В бизнес-классе.

- А вы почему здесь?

- Люблю пообщаться с нормальными людьми, на обычном языке. Правда, не всегда так везет с соседями, как сегодня.

- Вы всегда так начинаете знакомство? - посмотрел Павел на свои брюки, которые уже почти высохли.

- Нет, здесь обошлось без сценария, еще раз извиняюсь. А вы, наверное, художник?
- Нет, шахтер.
- Изящно пишете портреты.
- Точнее был шахтером, уволился, решил съездить в отпуск на море.
- Как там, под землей?
- Жить можно.
- Значит, не обманывают про жизнь после смерти.
- Не, не врут. Там в темноте полно людей с фонариками на головах, которые с такой страстью ищут свое счастье, будто на поверхности оно уже закончилось.
- Темнота – это прекрасно. Что там еще есть кроме полезных ископаемых?
- Крыс много, приходится еду подвешивать над головой, чтобы не остаться без обеда.
- Крысссы... – задумчиво вытянул длинный хвост из этого слова Роберто. – Главное, чтобы среди людей их не было.
- Нет, в этой дружной семье дерьмо не приживается. А с крысами спокойнее, они первые бегут, случись что – чуют.
- Всегда завидовал людям, которые в нескольких словах могут нарисовать портрет или пейзаж.
- Влияние книг: все детство просидел с матерью в библиотеке, она там работала, я читал, – посмотрел Павел в иллюминатор и заметил вдали белый самолетик, будто бумажный.

Он тоже расправил острые крылья, так же ветер гулял в голове, подгоняя его непрерывный полет. На мгновение Павлу показалось, что он даже смог разгадать буквы названия авиакомпании. Получалось его имя. Сложенный неплохо физически, из чистого, как новая жизнь, листа, он переливался на солнце, словно рыба в воздушном океане. Видно было, что самолет гражданский, и тоже перевозил пассажиров, но любил пассажирок. Достаточно легкомысленный, чтобы взять его на вооружение.

- Мне такого художника в команде очень не хватает. Вы же безработный теперь?

- Выходит что так.

- Не хотите помочь мне делать кино? Поверьте, это безумно интересно, - сказал он с такой страстью, будто признавался в любви, ожидая положительного ответа.

- А что нужно делать?

- Ничего особенного, любить кино так, как вы любили свою жену. Вы везунчик, не всем посчастливилось так чувствовать, как вам.

- Полюбить всегда было трудной задачей.

- Если не получилось с первого взгляда, - потер Роберто глаза под очками.

- Еще труднее оставлять, когда все получилось.

- Очень точно, - выразил свои соболезнования Павлу режиссер. - Я считаю, что в первом взгляде все и решается, но в моем случае это не работает. Однажды ко мне в кафе подсела девушка, мы провели немного времени втроем: я, она и молчание. Пока она неожиданно не спросила: «Вы верите в любовь с первого взгляда?»

* * *

– Вопрос для незнакомой девушки действительно необычный, – разорвала цепь воспоминаний Фортуна.

– Да дело не в вопросе, а в том, что он незрячий. В смысле режиссер. Ослеп прямо на площадке, много лет назад, когда лопнула одна из ламп во время съемок.

– Слепой режиссер? Как же он снимает?

– Еще лучше. И это не мои слова. Обычно он отшучивается, дескать, Бог увидел, что искусство кино ему дается легко, и сказал: «Я знаю, ты можешь лучше».

– Мне все же трудно представить. Ведь режиссер должен все видеть сам: кого пригласить на роль, какой кадр лучше, какой убрать, какую сцену надо повторить?

– Не волнуйтесь, вокруг него сплоченная команда, которая с ним уже давно и хорошо знает, каким должен быть фильм Роберто. Актеры, отработавшие с ним не один фильм, отлично понимали, что от них требуется на съемочной площадке. Возможно, именно это несчастье и то обстоятельство, что ему просто пришлось им слепо довериться, дало остальным больше свободы творчества, возможность добавить в его фильмы что-то свое.

– Интересно, как он ответил той девушке?

– Что больше доверяет не глазам, а сердцу. Впоследствии она стала его женой.

– Каждая женщина мечтает жить в чьем-то сердце. Но, видимо, большое сердце было не единственным его достоинством.

– Конечно, нет. Вторая любимая его история про Вьетнам, точнее сказать – про одно вьетнамское блюдо «Куни линь гу».

– Звучит эротично.

– Вам муж, наверное, готовил такое, – наполнил свою и ее чашку чаем Павел.

– Щас! Если вы об этом.

* * *

– А ваш рассказ похож на историю про Золушку.

– Вы про чудесное превращение из шахтера в киношника?

– Я про то, что у нее, как и у вас, работа была пыльная. А чем вы там конкретно заняты?

– Моя задача – выбрать место, время дня, погоду. Определить композицию, наметить пейзаж, подходящие для той или иной сцены. Также в обязанности входит договориться с префектурой города, будь съемочной площадкой улица или площадь, с хозяином заведения, если это кафе.

– А как же сами съемки? Это должно быть интересно.

– Никогда я не ходил на работу с такой радостью. А что касается съемок, вы их скоро увидите. Мне нужны ваши данные.

– Вот вы занудный.

– Настойчивый.

– Назойливый.

– Настырный.

Фортуна не нашла чем отбиться и достала из сумочки последним козырем свой паспорт. – Вы можете пока просто забронировать билет, я еще подумаю, – протянула она Павлу паспорт. Павел открыл его и стал рассматривать фотографию, потом выдал из телефона номер, прижал трубку к уху.

Пока он разговаривал, она разглядывала кухню, размышляя, что бы она поменяла здесь и как расставила мебель. В итоге пришла к тому, что настоящее

расположение предметов идеальное. Сама кухня не представляла ничего особенного: шкафы, стол, стулья, плита. Только часы с кукушкой как-то выбивались из этого евроминимализма. Фортуна посчитала тарелки и чашки, которые сушились в шкафу для посуды, потом съела еще две клубнички и, взяв в руки какой-то глянцевый журнал, лежавший на подоконнике, начала перебирать страницы. До нее долетали только отдельные фразы разговора:

- ...да, удобно, Маша... спасибо, что помните... нет, ненадолго... билет до Римини... конечно... целую.

- Вы всех целуете на прощание или только по телефону?

- Вы что - ревнуете?

- А что - я не женщина? - заулыбалась Фортуна, все еще глядя в журнал.

- Женщина, конечно, но не до такой же степени.

- Не до какой?

- Чтобы ревновать незнакомого мужчину.

- Что бы вы понимали в незнакомцах. Встречи с ними всегда сулят приключения. Если не считать темных подворотен.

- Это вы обо мне?

- Не надо на себе так зацикливаться, - глядя в журнал, посоветовала Фортуна, - вот послушайте: объявление: ИЩУ БОЛЬШУЮ ЛЮБОВЬ, ВЛЮБЛЕННОСТЬ С ИНТИМОМ НЕ ПРЕДЛАГАТЬ, - процитировала она.

Павел широко улыбнулся:

- Вам предлагали когда-нибудь?

- Может, и предлагали, только я не услышала, потому что замужем.

- Значит, никакого случайного секса?

- Да какой там секс. Муж – вот мой случайный секс. И чем дальше, тем случайнее.

- А хотелось?

- Чем больше хочется изменить, тем сильнее понимаю, что верность – это мой крест. Для каждой верной женщины брак – это своего рода крестовый поход по ее желаниям. Хотя однажды была случайная встреча, в лифте застряла с мужчиной. Я ехала к маме, он – к своей на шестой со свечами, шампанским и прочей романтикой.

- Как же муж?

- Волновался, конечно, – усмехнулась Фортуна: – «Где ты застряла? Я голодный прождал тебя вечер». – «В лифте». – «У нас в лифтах что – теперь цветы выдают? Или ты была не одна?» – «Ты же знаешь, одиночество меня тяготит». – «Ну так с кем?» – «С мужчиной». – «Что между вами было?» – «Только эти цветы». Это мужчина мне цветы те подарил, хотела их у мамы оставить, да у нее аллергия на лилии. Я и не знала, что в лифтах может быть так чудесно.

- Чем же вы там занимались тогда?

- Говорили.

- Говорили?

- Мужские стереотипы. Муж мой тоже удивился: «О чем?» – «Говорили о вечном. Представляешь, со мной тоже можно об этом». – «Как ты чувствовала себя ночью в лифте с незнакомым мужчиной?»

- Я даже знаю, что вы ему ответили, – прервал ее рассказ Павел.

- Слушаю, – глотнула чаю Фортуна.

– Вы ему сказали примерно так: «наконец-то я почувствовала себя женщиной». Женские стереотипы.

– А вы злопамятный.

– Это от сладкого, – улыбнулся Павел и отодвинул от себя варенье в пользу Фортуны. – А этот эпизод в лифте можно было бы назвать влюбленностью?

– Можно назвать чем угодно, но ведь важно почувствовать. Вот вы можете мне сказать, что та кое влюбленность?

Павел задумчиво начал передвигать ложкой чайники в чашке, будто хотел составить из них предложение и отчитаться на поставленный вопрос в письменном виде:

– Представьте себе океан, красивый, манящий, сверкающий. Ты хочешь в нем искупаться, но волны немного пугают. Заходишь не спеша по колени и гладишь ладонями, хочешь ему понравиться. Вдохновляешься брызгами смеха, волшебными рыбками впадин и выступов, они привлекают внимание, наконец ныряешь, плаваешь долго, часами, счастливый улыбаешься солнцу.

– Сразу захотелось в этот океан окунуться. Извините. Продолжайте.

– В общем-то, это все.

– А как же монетки?

– Да, потом бросаешь монетки, чтобы скоро снова вернуться, но отпуск, каким бы он ни был чудесным, заканчивается. Влюбленность потопчетя и проходит. Но ты не переживаешь. Океанов так много, в которые тоже хотелось бы окунуться. Только немного грусти в твоей прощальной улыбке, – наконец оставил Павел ложку в покое, положив ее на стол.

– А если в другие уже не хочется? Если все время возвращаешься мысленно к этому?

- Тогда можно назвать это любовью, но это уже совсем другое приключение. Теперь я понимаю, что вы искали этой ночью.

- Для одинокого волка вы неплохо разбираетесь в женщинах.

- С чего вы взяли, что я одинок?

- Быт бросается в глаза, - снова отвлеклась на журнал Фортуна, пока Павел повторно ставил чайник на огонь. - А вы кто по знаку зодиака? - закрыла она его.

- Стрелец.

- Метко стреляете?

- Не целясь.

- А вы, наверное, Дева.

- Прямо в яблочко. Разбираетесь в звездах?

- Да, бывает, лягу теплой ночью на траву и давай разбирать это безнадежное предприятие. Понять космос - все равно что пытаться понять женщину.

- Хотите понять женщину - сначала удовлетворите. Только в одном случае женщина не потребует от вас понимания - если вы будете ее удовлетворять.

- С женщиной это не проходит, она никогда не сможет быть удовлетворена полностью.

- Мужчина не может, потому что ему нужны все женщины, а женщина очень даже, так как ей нужен один, но свой, - резко возразила Фортуна. - Ей достаточно найти своего мужчину. Она же для этого родилась. Для своего мужчины.

- Своего найти всегда было сложной задачей. Те, что торопятся, уповают на случай и готовы войти в одну постель с первого поцелуя. Те, что не хотят рисковать честью и достоинством, прежде чем достичь оргазма, проводят своих избранников сквозь долгий процесс цветочных ожиданий, кофейных встреч, смс-ок с придыханием, знакомств со своими близкими и друзьями, которые должны благословить их на секс с перспективой. Существуют и третьи, те, что находят удовольствия в виртуальных отношениях. Их, пожалуй, больше всего. Они легко заводят новые романы, постоянно изменяют и запросто расстаются, рассуждая о прошлом и о будущем, так и не найдя своего в настоящем.

- Для женщины в этих поисках важно не разлюбить саму себя.

- Вы про внешность?

- И про тело, и про душу.

- А вы самолюбивы, - снова посмотрел Павел на идеальный маникюр Фортуны, будто хотел подлакировать его взглядом.

- Должна же я хоть кого-то любить.

- Да уж, никто никогда вас не полюбит так, как способны вы сами. Главное, не зафанатеть.

- Выходить проветриваться время от времени наедине со своими мыслями. Именно выгуливать их, а не выводить за продуктами к близлежащему магазину. А как вас занесло в шахту? Вы не похожи на шахтера.

- Половина жителей моего родного города работает на шахтах, но вообще все получилось назло родителям. Они почему-то решили, что я должен идти по следам отца и стать медиком. Но медицина меня не вдохновляла. Я хотел быть летчиком. В конце концов, мы основательно разругались. Отец заявил, что с таким здоровьем, как у меня, не возьмут ни в летчики, ни в шахтеры. В летчики медкомиссию я действительно не прошел. Но сдаваться не хотелось, стал шахтером. А вы, наверное, учительница?

- Еще один точный выстрел. Но как?

- Просто, мне везло на учительниц. Моя жена была учительницей русского и литературы.
- Промах... я - музыки.
- Вот откуда такие изящные руки.
- Да, вышколены пианино.
- Что из музыки предпочитаете?
- Обожаю оперу.
- Значит, знаете итальянский?
- Более-менее.
- Тогда вам легко будет в Италии. А какой ваш любимый композитор? - сделал Павел из полотенца воображаемую гитару и попытался взять высокую ноту, задрал одну руку вверх и скорчив страдание на лице, копируя исполнителей на концертах.
- Тишина.
- Поставить? - быстро сложил он в футляр свой инструмент, повесив полотенце обратно на спинку стула.
- Нет, лучше поговорим. Мне это необходимо сегодня.
- Вижу, вы своего всегда добиваетесь, пусть даже вооруженным путем.
- Да хватит вам уже, лучше подлейте варенья.
- То есть еще раз повторить про руки? Я вижу, вам много не надо.
- Да, двух достаточно. Вы всегда довольствуетесь руками?

- Я всегда обращаю на них внимание.

- А как же ножки? - указала своей на ножку стола Фортуна.

- Те, напротив, его требуют.

- А ваши учительницы были требовательны?

- Как во всех женщинах, в них капризов не меньше, а может и больше. Учителя ведь любят отличников.

- Не только учителя. Все любят внимание и внимательных. Чему же они вас научили?

- Ждать.

- Ждете?

- Нет. Видимо, я плохой ученик.

- Это же должно быть приятно - ждать женщин?

- В общем или конкретную?

- Любимую.

- Наверное, не приятнее, чем ждать любимого.

- Но точно вреднее, потому что ожидание женщин старит. А ждать им приходится постоянно. Одним - чтобы он взял замуж, другим - чтобы он сначала развелся.

- Старость понятие относительное.

- Относительно зеркала. Я часто смотрюсь в него, до тех пор пока не найду то, что мне нужно.

* * *

- Есть что-нибудь перекусить? - снимал я туфли в прихожей, вернувшись домой.

- Только поцелуи, - повисла на мне Лучана.

- Какие вкусные! Сама готовила?

- Для тебя старалась. Откуда у тебя такая страсть к поцелуям?

- От голода. Смотри, что я тебе принес.

- Ой, рыбки. Как я хотела, золотые. Две?

- Да.

- Это мы?

- Нет, их одними поцелуями не накормишь.

- А желания исполняют?

- Те стоят дороже.

- Еще и аквариум... - увидела у меня в руках стеклянный прозрачный глобус Лучана.

- Да, они будут бороздить океаны. И камни, и корм, и термометр для воды.

- А это что, растения?
- Цветы тебе.
- Спасибо! - впилась она в меня.
- Надо будет посадить их на дне. Налей куда-нибудь воды. Она должна отстояться.
- Большая кастрюля подойдет? - кричала мне уже из кухни Лучана.
- Да, вполне.
- Кстати, почему ты ходишь в квартире голая?
- По твоим инстинктам. Теперь ты понимаешь, что нас сближает?
- То, что мы никогда не будем так нужны другим.
- Коварный, знаешь, как женщине угодить, где рукой провести, где словом, где рыбками озолотить.
- Что же в этом коварного?
- А то, что многим этого недостает... Ты долго будешь меня любить? - наблюдала она за рыбками в баночке, которые теснились за стеклом.
- Не знаю, пока не накормишь.
- Что значит «не знаю»?
- Я не знаю, что такое любить.
- Не прибедняйся, тебе ли не знать, - проводила она меня на кухню, где уже был накрыт ужин.

В зеленых лугах салата пылала страстью баранина. Я сел над ней и стал вдыхать аромат.

- Что же ты не ешь?

- Нечем.

- Извини, я тебе вилку не дала.

- Ничего, ты можешь покормить меня с рук.

- Боюсь, - оторвала она кусок от листа салата и сунула мне в губы.

- Чего? - проглотил я зелень.

- Вдруг ты привыкнешь и станешь совсем ручным, - протянула мне вилку и нож.

- Не стану, поэты дрессировке не поддаются.

- А как же музы. Уж они-то способны. Тебе никогда не приходило в голову, что я красива? - оторвалась она от рыбок и посмотрела на меня.

- Приходило, но не в голову.

- Просто смотрю иногда на себя в зеркало и не узнаю. Знаешь, как я боюсь?

- Чего?

- Стать взрослой женщиной. Мне все время кажется, что прошла не одна бессонная ночь, а тридцать лет. Потом думаю, зачем смотрела, добрые люди и так расскажут.

- Женщины все такие чувствительные? - скользнул я рукой от шеи по груди к ее соску.

- А ты как думал? Прикасаясь к моей коже, ты трогаешь душу. У меня мурашки.

- Это чувства пошли на работу.

- Знаешь, что меня больше всего пугает?

- Что в какой-нибудь замечательный день ты забудешь меня поцеловать, и я умру от нехватки тебя.

- Не говори глупости!

- Тогда обещай, что и ты не совершишь их.

* * *

- В таком случае вы знаете, в чем секрет вашей красоты? - Павел подлил клубничного варенья в беседу.

- Я стараюсь понравиться только одному человеку, - ответила Фортуна.

- Получается?

- Довольно сносно. Ко всему можно привыкнуть, но когда привыкают к твоей красоте, твоей молодости, твоей страсти, начинаешь чувствовать себя стиральной машиной, духовкой, пылесосом. Одним словом, предметом быта, главная функция которого - поддерживать порядок. Становится безнадежно тоскливо, что жизнь уходит, потому что ей с тобой не интересно. Поэтому, как всякая молодая особа, я люблю приключения.

- Любовные?

- Куда уж там! К сожалению, то, что в обычной жизни выглядит безобидным развлечением с парой-тройкой поцелуев, в семейной приобретает масштабы самого страшного преступления.

После этих слов кукушка вылетела из своего убежища и сообщила, что уже полночь.

- Я еще в самом начале хотела спросить, откуда у вас такая прелесть?
- Всегда хотелось завести домашнее животное, но ввиду частых поездок по работе остановился на этой птице. Выгуливать не надо, служит верой и правдой.
- А чем вы ее кормите?
- Временем.
- Своим?
- Да. Сегодня вот она вашим поужинала.
- Удобно. Ей там не душно, в этом скворечнике?

В ответ Павел открыл балкон. Вечерний ветер начал трепаться с занавеской о чем-то своем. Та, обольщенная таким вниманием, отвечала ему взаимностью, смущаясь и кокетничая, пытаясь всячески выразить одну только фразу: «Я не такая». Всякий раз, когда невидимые сильные руки ветра порывисто подхватывали ее стройное тонкое тело, она вырывалась со словами: «Ну что вы себе позволяете?» Каждый из них понимал, что надо решаться, потому что неизвестно, когда еще они смогут так же свободно, непринужденно миловаться. Окно может закрыться в любой момент, и тогда жизнь разлучит их, сделает далекими, и они не смогут общаться так искренне, сожалея об упущенных возможностях, поглядывая друг на друга холодным стеклянным взглядом.

- Спасибо, так лучше. Слово прохладный бриз с моря, - вдохнула свежего воздуха Фортуна.
- Но это еще не Венеция. Вы там бывали?
- Нет, но часто очень хотелось сесть в эту лодку.
- Почему лодку?

- Венеция всегда представлялась мне гондолой, которая покачивается на волнах любви и спокойствия. И купол ее собора, словно фигура гондольера в белой рубашке, одиноко возвышается над миром и спокойно ведет свой кораблик, постоянно принимая туристов на борт, угощая их достопримечательностями, потом высаживая, чтобы пригласить новых. Он течет по реке времени вместе с ним и поэтому не ощущает его. Лишь изредка, когда боли в спине тревожат его, напоминают ему, что он уже не мальчик, что в скором времени с ним станет неинтересно... Мне тоже его постоянно не хватает, - посмотрела на настенные часы Фортуна.

- Нехватка времени лишний раз напоминает о том, что вы занимаетесь не тем или не с теми.

- Пора заканчивать чаепитие.

- Разве сейчас вам его не хватает?

Фортуна вдруг ясно осознала, как ей здесь хорошо в знакомой по мечтам атмосфере с незнакомым человеком, что торопиться ей некуда, дома никто не ждет. Будто она пересекла финишную прямую долгого марафона, изможденная, но удовлетворенная, получив вместо приза путевку в Венецию.

- Я бы сказала - переизбыток, - посмотрела Фортуна на закрытую калитку часов, за которыми сидела прожорливая кукушка. - А у вас как со временем? - оторвалась она от своих раздумий.

- Я пока этого не чувствую, хотя у меня и нет какого-то определенного режима: ложусь поздно, встаю рано.

- Время, как любимый человек, которого постоянно не хватает. Вот вы тоже живете до сих пор один, хотя сказали, что ваша трагедия уже в прошлом. Почему?

- Поверьте, это лучше, чем умирать вдвоем. После жены у меня были еще романы. Любовь - прекрасная страна, в которую очень хотелось эмигрировать навсегда, а мне даже визы было не получить.

- Неужели все так фатально?

- Иногда люди встречаются, но жить вместе не могут, им это противопоказано. Жизнь совместная превращается в пытку. Сначала они вместе испытывают оргазм, потом уже он начинает их испытывать на прочность.

- А первую встречу вы помните?

- У вас просто мания на истории знакомства?

- Меня всегда интересовало, как люди встречаются.

- Люди стекаются в большой город, каждый из них как одно маленькое обстоятельство. Вот и получается не жизнь, а стечение обстоятельств. Они замечают друг друга, знакомятся, начинают встречаться, любить друг друга, иметь друг друга. Потом появляются другие обстоятельства, которые навязывают свои условия.

- Если вам мешают обстоятельства, значит вы с ними заодно. Наверное, вы из тех, кто ищет идеальную?

- Женщина не может быть идеальной, потому что всегда все испортит какой-нибудь мужик.

- Я панически боялась нарваться на какого-нибудь сердцееда, в итоге попала на эгоиста.

- Вы про меня?

- Нет, про мужа, а на сердцееда вы не похожи. Ну, так как же вы все-таки познакомились?

- Что-то было в ней необычное, особенное, что ли. Мы познакомились очень странно, помню, она сказала: «Вы мне не нравитесь». Я уколол: «Вы мне тоже». Она мне: «Вы не умеете целоваться». Я ей: «Просто ваши чувства ко мне ничтожны...» - Павел достал сигареты и пепельницу.

– Кстати, вы курите? – отвлекся он от рассказа.

– После, не останавливайтесь.

– Потом она попросила меня выключить свет, мы обменялись кожами, фибрами, душами и поняли: без них невозможно. Вот такая вот история. Я до этого думал о себе, что не из тех придурков, которые могут любить, не обладая, что железный. Куда там! Стоило только ей прикоснуться, оказалось, что шёлковый.

– Да уж, чем дальше в секс, тем больше снов. Трогательный рассказ, я тоже, пожалуй, покурю, после вашего секса, но лучше на балконе.

Она неумело взяла сигарету из пачки:

– В моем случае независимость каждого из нас не позволила вырастить взаимную нежность, – долго ее теребила, потом воткнула в губы.

Они встали как по команде и вышли на балкон.

В ночном небе тихо коптилась луна, как лампада, над кроватью ночи, которая неизлечимо страдала звездной болезнью. Внизу, в темноте двора, одинокий автомобиль бесполезно пытался найти ночлег. Он двигался медленно вдоль дома, завидуя припаркованным и уже спящим машинам. Сверху хорошо было видно, что здесь ему переспать не удастся.

– Может, вы знаете, как ее выращивать? – добыл Павел для Фортуны огонь в продолжение темы.

Она затянулась робко, подержала дым во рту, выпустила. Было видно, что не делала этого уже тысячу лет, а может и больше:

– Для начала перейти на «ты».

– Ну, наконец-то. Какое незапланированное счастье!

Павел стоял очень близко к Фортуне. Его мысли увлекли ее глаза: теплые, расслабленные, искренние. Владелица которых все время очаровательно спит

под млечным путем, широко распахнув их, огромные настолько, что нет никакой необходимости подчеркивать взгляд на жизнь тенями. Ленивые веки, словно приоткрытые окна, украшены густо ресницами. Они спокойны. Теплая поволока влюбленности, словно прозрачная занавесь, защищает ее от лучей незнакомцев, храня в себе тайну избранника. И каждый взмах ресниц разбрасывает новые порции очарования не только страждущим, но и тем, кто случайно попал в ее поле зрения. Ему очень сильно захотелось рассказать ей об этом, но, пока он раздумывал, Фортуна его опередила:

– Если говорить о планах, то у каждой женщины он свой: одним обязательно надо любить, остальным достаточно быть любимыми, некоторым же подавай и того и другого. Но именно с появлением другого и начинается все самое внеплановое.

– Как же тебя угораздило замуж выйти?

– Хотела отомстить одному.

– Отомстила?

– Да, причем сразу обоим. И себе в том числе.

– Мстить себе, наверное, особенно приятно.

– Ты не знаешь, как трудно любить человека только за то, что он твой муж.

– Ну ты же живешь так, значит, тебя все устраивает.

– Ты даже не представляешь, как мне неудобно. Будто обстоятельства стеснили меня и поставили в такую неудобную позу, из которой я не могу никак выйти, разве что из себя.

– Бедный твой муж, как можно было сделать столько ошибок в одном предложении?

– К счастью, он богат.

- Ты считаешь, экономика имеет какое-то отношение к счастью?

- Это он считает, а я трачу. И чем несчастнее женщина, тем больше хочется ей тратить.

- То есть, если женщина зачастила на шоппинг, значит, она глубоко несчастна?

- Да, однако виду не подает. И магазины отчасти в этом ей помогают до поры до времени.

- До какой поры?

- Когда наступает межсезонье и хочется прижаться к кому-то и спрятаться от навязчивых сквозняков депрессий.

* * *

- Герои вашего фильма мне показались куда счастливее нас, - глотнула новую порцию дыма Фортуна.

- Ну нет, история не настолько счастливая, как может показаться с первого взгляда.

- Да? Если говорить о моем взгляде, то Венеция - красивая жемчужина в оправе моря.

- Это для нас, потому что мы спешим туда, как на праздник. А для тех, кто там живет, это обычный город, в котором им суждено было вынырнуть на свет, чтобы впервые глотнуть воздух, потом молоко, кофе, дым, - показал Павел свою окурочку и запустил его в темноту, - вино, губы...

- Выйти на свет, чтобы надеть маски, - не удержалась Фортуна и тоже запустила огарок в космос. - Я где-то читала, что жители Венеции носили их постоянно, меняя в зависимости от обстоятельств. Так как город был небольшой, маски позволяли флиртовать, гулять, изменять, жить в облике загадочных незнакомок и незнакомцев, - развернулась она с намерением вернуться обратно в комнату, в

тепло.

- Перестань читать мысли, - продолжал Павел разглядывать звезды.

- Это мое хобби, когда нет под руками книги. Кстати, этому фильму наверняка тоже предшествовал какой-нибудь роман? - отвечала она уже из кухни.

- Да, есть книга, сейчас я тебе принесу, - прошел с балкона сквозь кухню Павел, оставив Фортуна одну, и утонул в коридоре.

Сначала она разглядывала обои, на которых золотые рыбки пытались подплыть друг к другу. Они улыбались, однако волею художника или судьбы, если у рыб таковая имеется, им не суждена была эта близость. Потом достала из сумочки зеркало, высмотрела там себя, полюбовалась и убрала его обратно. Этого ей показалось мало, какие-то непонятные инстинкты заставили подняться, найти губку и смести со стола крошки хлеба, вытряхнув их в раковину. Две чашки, скучавшие там, тут же были вымыты ею. «Зачем?» - спросила себя после Фортуна. «Буду считать, что от чистого сердца», - ответила она себе и вздрогнула, увидев рядом черного мужчину в каске, который протянул ей книгу:

- Теперь похож?

- Жуть, ты меня напугал, - приняла она книгу, все еще не веря, что это Павел.

- Не волнуйся, это грим, - снял он каску.

- Я вижу, ты тоже к Венеции вовсю готовишься? - улыбнулась Фортуна и перевела взгляд на книгу. - Какая тонюсенькая, мне на одну ночь, - тут же сломала она ее на половине, словно это был раскладной диван, на котором ей предстояло провести ночь, и выхватила несколько строк.

* * *

Перед выходом я долго перебирал маски: какую бы надеть сегодня?

В итоге взял с грустными глазами и идиотской улыбкой, чтобы сильно не выделяться в метро. Вдруг сегодня повезет, встречу женщину. Правда, настоящие женщины в метро не ездят. Они там мучаются. Я представил, как подойду к ней и скажу: «Здравствуйте, настоящая женщина!» А она мне ответит из-под своей маски застенчивости: «Здравствуйте, мужчина! Вы действительно настоящий?»

- Да, самый что ни на есть, можете потрогать.

- А где трогать? – скромно спросит она.

- Там, – отвечу я.

- Оо. Там действительно что-то есть, и много. Я даже не думала, что так повезет сегодня.

- Может быть, я ваш счастливый билет?

- В таком случае, я вас съем. Только маску придется поменять. Знала бы, надела другую.

- Будь на вас другая маска, вряд ли бы я подошел.

- Тоже верно. Раньше я носила с собой несколько. Очень удобно. Но такой у меня, кажется, и нету. Надо будет купить.

- Хотите, я вам подарю?

- Вы нормальный? У вас-то откуда?

- Не беспокойтесь, подруга одна оставила.

- Подруга? Какая еще подруга?

Никогда не рассказывай женщине о других женщинах, если рассчитываешь на близость. С этой мыслью я окунулся в прохладную струю ветра и пошел вдоль плящихся на мой силуэт домов. Чем ближе к набережной, тем больше город напоминал затопленную квартиру, по которой плавают всякая рухлядь из дерева... или то, что обычно не тонет. Именно поэтому мне страстно захотелось скинуть сегодня все маски и утонуть в любви, радости и разврате.

* * *

- Похоже, ты все знаешь про Венецию, - вернулся из ванной уже чистенький Павел.

- Нет, что ты. Просто я люблю красивые города. В них всегда есть чем поживиться: будь то молотые кафе, ветреные набережные или реки людей, по которым можно плыть в лодке симпатии от одного островка к другому, пока не причалишь или лодка не прохудится.

- А как же природа: леса и поля? В полях тоже есть свое очарование: выпустишь взгляд пастись до самого горизонта, и дои потом молоко воспоминаний хоть вечность.

- А если оно прокиснет?

- Сделай из него сметану или масло, чтобы хватило на всю жизнь, айда намазывай, когда грустно.

Фортуна усмехнулась и снова открыла книгу на случайной странице. Лицо ее вспыхнуло.

* * *

- Как можно объяснить языком то, что чувствуешь?

- Целуя.

- Твое чувство так сильно ослепляет, что за этим блеском я не могу понять, люблю ли я тебя, - стояла Лучана рядом с аквариумом в одной тонкой рубашке, сквозь которую на меня глядели ее удивленные соски. - И чем больше я на тебя смотрю, тем больше убеждаюсь, что мне необходимо всегда видеть твое лицо. Почему я вижу его так редко?

- Потому что оно в маске. Впрочем, как и твое.

- Может быть, им тоже надо маски купить? - включила подсветку аквариума Лучана.

- Рыбы-дайверы? Не сходи с ума, Лучана. Хватит с них того, что они немые. Поздно уже, давай спать.

- Подожди, сначала угадай, что я хочу тебе сказать, - подошла она к кровати, в которой я давно уже ждал ее.

- Спокойной ночи?

- Возлюби ближнего! Дай мне напиться тобой за ночь!

- Пусть даже с утра постель пуста, сушняк, и не с кем поделиться счастьем?

- Пусть. В этой жизни мне для общения хватило бы трех слов.

- Пей до дна! - выпалил я, не дожидаясь продолжения.

- Я тебя люблю.

- Тогда мне двух: я тоже. Все остальное время мы могли бы посвятить Его Величеству Сексу.

- Нет, не все. Иногда мы будем потягивать искренность, словно коньяк, и дело даже не в вечере, что вытащил из-за пазухи луну и пытается загнать ее как

можно дороже, не в моем состоянии, не в твоём понимании. Просто дело всей жизни.

- Дело заведено давно, - попытался я пошутить, так как не был настроен на откровенные разговоры.

- Да, заведено, но до сих пор тебе не вынесен приговор за то, что я от тебя без ума. Ты можешь мне ответить, почему я тебя так люблю?

- По Фрейдю, - взял я ее за руку.

- Глупости.

- Совсем нет, просто встретить умного человека весной большая редкость.

- Ты на что намекаешь?

- Что я тоже без ума от тебя.

- А завтра, а послезавтра? Что мы будем делать завтра?

- Любить.

- Но ведь невозможно любить с такой страстью так долго.

- Скуку я беру на себя, - положил ее руку себе на плечо.

- Знаешь, что мне больше всего в тебе нравится? Что ты мужчина. И не забывай об этом, особенно в сугробах простыней.

- Малыш, ты помнишь, вьюга злилась? - начал я закатывать ее в белую метель постели.

- Русская классика, помню, - отпихивалась от зимы ладошками Лучана.

- И ты неловко так побрилась...

– Ах ты негодный, вот об этом мог бы мне не напоминать, – бросилась на меня Лучана, чтобы я утопил ее в своих объятиях, взвизгнув:

– Дама, что вам от меня нужно?

– Ничего. Мне от вас нужен только ты.

Я подмял ее теплое тельце под себя и вошел туда, где обычно не хватает мужчины, где можно уладить любой конфликт, погасить затянувшуюся гражданскую войну, продолжить род; где жарко и влажно, туда, в темноту любви, где ее кормят, где сносит крышу, где любопытно, где всегда царит смаковница-ночь, и нет никого, кроме нас двоих, где мужчина не задерживается надолго, потому что каждый прием стоит больших искренних чувств, куда без них его просто не пустят больше и придется искать другого убежища для инстинктов.

– Как-то ты резко, – вздрогнула Лучана, не открывая глаз, она всегда закатывала их, словно хотела посмотреть, что же там происходит во внутреннем мире, отчего же так хорошо, где живет оргазм, и почему он приходит сам, почему никогда не приглашает в гости к себе.

– Теперь понимаю: совсем не обязательно быть гением, чтобы возносили. Достаточно просто любимым, – глядел я в потолок через несколько минут, скатившись с любимого холма и переводя дыхание.

Лучана все еще была не со мной, где-то там, в стране благодати, откуда я вернулся чуть раньше.

– Меня всегда удивляла твоя способность молчать.

– Это не способность, это недостаток... слов, даже не слов, а воздуха. Я умираю от счастья, – вздохнула она глубоко, будто хотела набраться воздуха впрок.

– Тебя спасти или оставить в покое?

* * *

- Что там такое? – улыбнулся Павел, наблюдая за этим пожаром.

- Постель, – захлопнула книгу Фортуна.

- Ну и что?

- Слишком откровенно, чтобы читать в твоём присутствии.

- Ну, если бы вслух.

- Эта тема личная.

- И что лично ты об этом думаешь?

- О чем?

- О сексе.

- С вами? В смысле с тобой?

- Нет. Вообще.

- Зачем мне думать о нём вообще, если я сплю только с одним человеком. Мне кажется, это очень по-мужски: все время думать о сексе. Для женщины секс априори подразумевает любовь. Иногда я даже завидовала женщинам, которые были способны на секс без любви.

- Почему завидовала?

- Потому что секс всегда был хорошим средством борьбы с одиночеством, но в отличие от любви не эффективен на расстоянии. А ты любознательный.

- Нет, я любвеобильный.

- Тогда мне уже точно пора, - не хотела никуда уходить Фортуна. - Может, проводишь меня до остановки?

- Смотря что ты собираешься там ждать.

- Автобус.

- Я думал, приключений.

- Думаю, на сегодня достаточно.

- Ты же хотела любовных.

- Любовь сама придет, когда захочет.

- Нет, любовь сама не приходит, приходит автобус. Хотя уже поздновато-то для автобуса, - как самая преданная тварь, два раза прокомментировала опасения Павла кукушка. - Можешь остаться у меня, либо я вызову такси.

- У тебя точно не останусь. Не люблю ночевать в гостях. Мне лучше как-то все это пережить дома.

- Хорошо. - Павел взял телефон и заказал такси.

- Может, ты мне покажешь свою квартиру, пока машина не приехала.

- Квартира однокомнатная, там кроме книг показывать нечего.

И действительно, когда Павел включил свет, их встретили три стены книг. Создавалось даже такое впечатление, что сейчас они вдвоем сами стали заложниками одной большой книги. Постепенно в поле зрения Фортуны попали и другие предметы: окно, спрятанное под тяжелым бежевым занавесом, деревянная кровать, укрытая пледом, письменный стол с компьютером, кресло-качалка и система с колонками.

– Здесь невольно чувствуешь себя героиней одного из этих романов. Как тебе здесь спится? Персонажи не мешают? – взяла Фортуна одну из книг со стола и стала по инерции перелистывать иллюстрации.

– Ну, здесь художки мало, в основном это книги по истории. Истории Востока. Мама увлекалась. Вот и изучаю по наследству.

– Истории – это, наверное, интересно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (<http://www.litres.ru/rinat-valiullin/gde-valyautsya-pocelui/?lfrom=201227127>) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Купить: <https://tn.knigapoisk.com/rinat-valiullin/gde-valyayutsya-pocelui-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)